

Янь Цин не проронил ни слова, но в объятиях ученика извивался как вьюн.

Шэнь Цзюэ крепче прижал его к себе одной рукой. Теплое дыхание коснулось белоснежной шеи:

— Как Мастер нашел это место? Неужели беспокоились об ученике?

Янь Цин долго дергался, но так и не смог сдвинуться ни на йоту. В конце концов он сдался и, спрятав пунцовое лицо в изгибе чужого плеча, спросил в ответ:

— А ты что здесь делаешь?

Шэнь Цзюэ не ответил. Вместо этого он принялся стаскивать с него верхнее одеяние, затем вынул нефритовую заколку, позволяя длинным черным волосам рассыпаться по своей груди. — Омываюсь.

Янь Цин, судорожно вцепившись в нижнюю рубаху, невольно вздрогнул и нахмурился:

— Ты больной? Кто омывается в холодном источнике?

Шэнь Цзюэ легко перехватил обе руки Янь Цина одной ладонью, а другой неспешно начал стягивать с него рубашку, обнажая белую грудь. — Если я и болен, то не в одиночестве. Мастер ведь тоже здесь.

Холодная вода внезапно подернулась мелкой рябью – Янь Цин снова отчаянно забился, упираясь руками в грудь Шэнь Цзюэ. Его лицо горело так, будто с него сейчас закапает кровь:

— Я пришел вовсе не купаться! Зачем ты меня раздеваешь?

Послышался плеск намокшей ткани. Шэнь Цзюэ прижал его за лопатки, не давая сбежать:

— Раз уж вы всё равно в воде... К тому же, Мастер сегодня принял лекарство. Ученик воспользуется случаем, чтобы помочь вам прочистить меридианы, так снадобье подействует лучше.

Янь Цин на миг перестал сопротивляться и недоверчиво поднял голову:

— Ты правду говоришь?

Шэнь Цзюэ не отрываясь смотрел на него: на тронутые румянцем щеки, на кадык, испуганно дергающийся при каждом вздохе, на четкие линии ключиц и тонкую белую шею...

Ученик словно в попытке сдержаться на миг прикрыл глаза. Его голос стал глухим и хриплым:

— Когда это ученик обманывал Мастера?

Подозрения Янь Цина никуда не делись. — Сначала отпусти меня.

Шэнь Цзюэ лишь крепче сжал его запястье и молча направил поток духовной энергии внутрь. По меридианам тут же разлилась острая, колючая боль. Янь Цин, не ожидавший этого, невольно вскрикнул:

— Ох-х...

Шэнь Цзюэ участливо спросил:

— Мастер всё еще хочет, чтобы я отпустил его?

От боли Янь Цин не мог вымолвить и слова. Он почти обмяк в чужих объятиях; не поддерживай его Шэнь Цзюэ, он бы наверняка ушел под воду с головой.

— Ваши старые раны копились слишком долго, меридианы сильно забиты. Когда мы их прочистим, в следующий раз будет уже не так больно.

Янь Цин молчал, намертво вцепившись пальцами в предплечье ученика. На его бледной руке вздулись вены. Он стискивал зубы, но из горла всё равно вырывались тихие стоны, которые в этой обстановке звучали крайне двусмысленно.

В разгар этой муки перед его лицом возникло белоснежное запястье. Голос Шэнь Цзюэ доносился будто издалека:

— Если Мастеру больно, укусите меня. Чтобы полностью прочистить каналы, потребуется еще четверть часа.

Янь Цин оттолкнул его руку и процедил сквозь зубы:

— Не надо...

В тот же миг перед глазами появилась нефритовая заколка – та самая, которой он закалывал волосы.

Дрожащей рукой Янь Цин схватил заколку и прикусил её край, чтобы больше не издавать ни звука. Он позволил духовной энергии Шэнь Цзюэ беспрепятственно течь по каналу Ду-май.

Это был тот самый метод циркуляции по небесному циклу, которому он когда-то лично обучал этого юношу.

Когда длинные пальцы Шэнь Цзюэ коснулись чувствительных зон на его пояснице, Янь Цин снова непроизвольно дернулся. Наконец ученик убрал руки, и его негромкий голос прозвучал как спасение:

— Мастер, готово.

Янь Цин словно заново родился. Упираясь руками в грудь Шэнь Цзюэ, он жадно ловил ртом воздух, но голос его всё еще сильно дрожал:

— Дай мне... прийти в себя...

Уголки губ Шэнь Цзюэ слегка приподнялись:

— Ничего. Я сам отнесу Мастера обратно.

В итоге Янь Цин позволил ученику подхватить себя на руки и понести к дому. У него не было сил даже на попытку сопротивления – тело будто онемело от пережитой боли.

Однако эффект не заставил себя ждать: по жилам начало разливаться тепло, собираясь в потоки, и духовная энергия сама собой принялась залечивать раны.

Шэнь Цзюэ почему-то не стал использовать магию для перемещения, а просто нес его на руках по тропинке к бамбуковой обители.

Оказавшись в доме, Янь Цин попытался спуститься, но Шэнь Цзюэ прямиком занес его во внутренние покои и уложил на постель.

Янь Цин медленно сел. Боль отступила, но руки и ноги оставались ватными, в них не было ни капли силы.

Он выглядел необычайно хрупким в этот момент. Шэнь Цзюэ постоял рядом, любясь этой картиной, а затем внезапно протянул руку и легким толчком снова повалил его на спину.

Глаза Янь Цина округлились от изумления:

— Ты что делаешь?

Шэнь Цзюэ смотрел на него сверху вниз. Алая тень в уголках его глаз стала совсем яркой, подчеркивая мертвенную бледность лица. — Чтобы прочистить Мастеру меридианы, ученику пришлось изрядно потрудиться. Неужели я не заслужил небольшое вознаграждение?

Лишь когда наступила ночь, Янь Цин, совершенно отрешенный, остался лежать на кровати, тяжело дыша. Его тело время от времени вздрагивало, точно у сломанной куклы.

Знакомый сценарий, знакомые ощущения – еще один день сражений с «демонами» в море сознания.

Шэнь Цзюэ, крепко прижимая его к себе, с видом полного удовлетворения уткнулся лицом в его шею.

— Уже поздно. Хочет ли Мастер чего-нибудь поесть? Ученик мигом приготовит.

Янь Цин словно не сразу понял вопрос и лишь спустя пару секунд медленно покачал головой:

— Я не голоден.

Шэнь Цзюэ тихо рассмеялся и, словно вспомнив о чем-то, произнес низким, хриплым голосом:

— Похоже, Мастер и так сыт по горло.

Сознание Янь Цина наконец прояснилось. Он с недоверием воззрился на ученика, его губы задрожали, но он так и не смог вымолвить ни слова. Что за речи... это же просто за гранью приличия!

— Ты... ты... я...

Шэнь Цзюэ несколько раз быстро, точно птица, коснулся поцелуями уголков его губ и пробормотал двусмысленно:

— Мастер хочет продолжения?

«Какого, к черту, продолжения!»

Янь Цин уперся руками в его грудь:

— Сгинь с глаз моих и иди готовить!

Шэнь Цзюэ вскинул брови:

— Но Мастер ведь только что сказал, что не голоден.

— Тебя что-то не устраивает?! — Прошипел Янь Цин сквозь зубы.

Шэнь Цзюэ нехотя отпустил его и поднялся с кровати:

— Ученик не смеет возражать. Я иду.

Когда он вышел, Янь Цин остался лежать, размышляя о смысле жизни. Как он ни ломал голову, он не мог понять, в какой момент Шэнь Цзюэ так фатально сбился с пути и забрел в эти дебри порока, откуда, кажется, уже не было возврата.

Пока он предавался думам, у окна послышался легкий шорох. Янь Цин поднял глаза и увидел, что в узкую щель приоткрытой створки впорхнул бумажный журавлик.

Искусно сложенная фигурка, трепеща крылышками, плавно опустилась прямо ему на руку.

<http://bllate.org/book/18143/1740335>